

Дети в годы Второй мировой войны

План
урока

90 минут

Возраст:
16-19 лет

Аннотация

Запланировано изучение истории Второй мировой войны через дневники/воспоминания детей из России, Беларуси, Украины, Польши и Германии. Работая в мини-группах, участники научатся читать личные документы, выявлять специфические аспекты повседневности автора, а также сравнивать повседневность в разных странах. Создавая рассказ о своем сверстнике, участвуя в дискуссии и сравнивая его и свою повседневность, учащиеся смогут понять прошлое, прочувствовать его. Работа с детскими дневниками/воспоминаниями позволит учащимся понять, как война изменила повседневную жизнь детей.

Цель урока

Узнать, как изменилась повседневная жизнь детей во время Второй мировой войны.

Задачи

- 1 Поразмышлять на тему о том, что война – это не только героические поступки, но и борьба за выживание. Война – время, когда жизнь человека меняется вне зависимости от его/ее возраста, места проживания или социального статуса.
- 2 Почувствовать себя исследователем повседневности.
- 3 Сравнить военную повседневность в разных странах: в СССР (Украинская ССР, Белорусская ССР, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика), в Польше и в Германии.
- 4 Научить участников искать информацию (используя аналитические навыки, определяя важные сведения, проводя критический анализ) в историческом источнике и читать исторический источник.

Методы работы

Работа с источником, создание рассказа, обсуждение, анализ и сравнение, работа с картой.

Оборудование

Раздаточный материал (тексты из 9 дневников/воспоминаний, вопросы), проектор верхнего расположения (желательно), гаджеты с выходом в интернет (мобильные телефоны учащихся).



Авторы дневников

Анатолий Листопадов Родился в 1929 г., жил в Бахмаче Черниговской области Украинской ССР.

Людмила Леблан Родилась в 1926 г., жила в Бежице Брянской области РСФСР.

Виктор Черный Родился в 1928 г., жил на хуторе Могильное Борисовского района Минской области Белорусской ССР.

Николай Боровский Родился в 1927 г. в местечке Острошицкий Городок Минского района Белорусской ССР.

Урсула Брехт (в девичестве Линдемманн) Родилась в 1928 г., из Кельна, Германия.

Герда Альтпетер (в девичестве Раппапорт) Родилась в 1926 г., из Эссена (Рурская область, федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия).

Станислав Р. Родился в 1927 г., Волковысский повет (район) Белостокского воеводства, Польша.

Тереса Сосновска Во время войны между Польшей и Германией жила на противоположном берегу реки Буг, в Сокале.

Клаус Шлимм Родился 16 июля 1929 г. в Магдебурге, переехал в Эссен, Германия.



Предварительная подготовка дома

Ознакомиться с историей Второй мировой войны по учебникам

План

Вводная часть	Работа в группах	Представление результатов работы групп	Обсуждение и подведение итогов
11 минут	22 минуты	37 минут	20 минут

Вводная часть

План урока в деталях

8 минут

Приветственное слово учителя

- Учитель актуализирует знания учащихся об истории Второй мировой войны.
- Когда война началась для разных стран (Германия, Польша, СССР)?
- С каких военных действий началась война?
- Учитель рассматривает по карте движение линии фронта и просит учащихся назвать места важных боевых действий.
- Как долго продлилась война и когда она закончилась?

Учитель знакомит учащихся с понятием «повседневность». Повседневность тесно связана с ежедневной рутинной повторяющихся процессов и событий. В ходе рутинных повседневных практик человек вкладывает определенный смысл в каждое свое действие. Можно выделить 4 основных компонента повседневности: во-первых, социальные практики – повседневные или праздничные, политические или трудовые; во-вторых, инструменты реализации таких практик; в-третьих, пространство реализации практик индивидом; в-четвертых, смысловое наполнение практик, что позволяет различать хорошее и плохое¹. Пример: уроки истории два раза в неделю. Инструменты: учебник, ручка, тетрадь. Пространство: учебная аудитория в школе. Цель: нужны для того, чтобы учащиеся узнали о прошлом и получили оценку согласно своей успеваемости.

3 минуты

Учитель поясняет задачу. В зависимости от числа учащихся в классе, учитель разделяет класс на группы (максимум 8 групп) для подготовки презентаций о жизни детей в годы Второй мировой войны.

¹ Лейбович О.Л. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения: Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России: Материалы науч. конф. Пермь, 2009. С. 250–274.



- 22 минуты** Учащиеся работают в группах с дневниками/воспоминаниями и готовят выступление/рассказ о ребенке, написавшем дневник/воспоминание.

- 37 минут** Каждая группа по очереди представляет одного из детей (продолжительность: 4 минуты на каждую группу). Такая презентация (рассказ) состоит из ответов на вопросы (смотрите ниже) о повседневной жизни рассматриваемого ребенка.

Работа с дневником/воспоминаниями и биографией ребенка в группе включает:

- 1 Работу с документом, выделение маркером отрывков/фрагментов, относящихся к вопросам, пометки на полях.
- 2 Работу с картой: отмечается место проживания ребенка в начале войны и его/ее перемещения во время войны.
- 3 Составление описания крупного города, города/села/местечка, деревни, где жил ребенок (на основании данных интернета).

Вопросы:

- 1 Как зовут ребенка и сколько лет ему/ей было в начале войны?
- 2 Где жил ребенок до войны: в крупном городе, городе/селе/местечке или в деревне? В какой стране? Найдите эту деревню, город/село/местечко, крупный город на карте (можно использовать собственные гаджеты). Найдите описание места в интернете: было ли это крупное поселение или небольшое? Чем оно было известно (промышленность, сельское хозяйство)?
- 3 Как далеко находился данный населенный пункт от линии фронта?
- 4 Как ребенок узнал о начале войны?
- 5 Что изменилось в жизни ребенка после начала войны?
- 6 Что делал ребенок во время войны? Как он/она помогал/помогала своей семье или друзьям?
- 7 С какими проблемами он/она столкнулся/столкнулась?
- 8 Что осталось неизменным во время войны от его/ее довоенной жизни?
- 9 Найдите непонятные, просторечные/разговорные или специфические слова и поищите их толкование в интернете.



15 минут Обсуждение. Учитель модерировает обсуждение, задавая вопросы и уточняя детали.

Вопросы для обсуждения:

- Как отличалась детская повседневность до войны и во время войны?
- Как отличалась повседневность в разных странах?
- Когда ребенку пришлось сделать трудный выбор? Почему он/она не мог/могла поступить иначе?
- Почему дети пишут так спокойно о страшных событиях?
- Что особенно поразило вас в дневниках/воспоминаниях и почему?

5 минут Подведение итогов. Краткое резюме учителя.



Анатолий Листопадов

Родился в 1929 г., жил в Бахмаче Черниговской области Украинской ССР. Анатолий вел дневник, когда жил в регионе, оккупированном немецкими войсками.

1941 год

- 22 июня** ВОЙНА. В 12 часов дня речь Молотова. В середине речи дали тревогу. Милиционеры разогнали базар. Я с ребятами носился как угорелый. Вечером начали рыть щели. Ходят инструкторы и всех заставляют рыть. Бабы злятся, говорят: “Могилы себе рою. Лучше в хате сидеть, когда бомбить будут”. Анна Константиновна плакала. Ночью были две тревоги. Петро Самостиянович говорит, что много народу погибнет в этой войне. Мне что-то не верится.
- 23 июня** Целую ночь на лошадях развозили повестки в Красную Армию посыльные из военкомата. Ночью была тревога. По радио сообщали: “Граждане, в сторону Бахмача движутся соединения немецких бомбардировщиков”. И это три раза повторили. Аж страшновато стало. Днем было несколько тревог. И каждый раз сандружинницы в штанах несутся как угорелые на свои сборные пункты. Чудно как-то! Петро Самостиянович говорит: “Чого вы носытесь як угорелые. Тильки упаде хоть одна бомба, вы штаны свои попускаете”. Злятся бабы и спорят с ним. Яблок в этом году уродилось много. Мы купаемся, загораем и вообще полностью наслаждаемся каникулами. Стало много летать самолетов. Наша команда действует всюю.
- 3 июля** Сегодня слушали речь т. Сталина. Работники детсада плакали. Много едет беженцев. Тревоги у нас часто. Потешно, как беженцы носятся во время тревоги. Мы смеемся, а они говорят, что мы еще не были под бомбежкой, оттого и смеемся.
- 14 июля** Этот день останется памятным для меня. В 4 часа дня был налет на Бахмач, продолжавшийся 2 часа 40 минут. Вот где страх был! Я шел из библиотеки. Был на полдороге до дому, когда над городом появились самолеты. Потом как грохнет! Меня как бросит воздухом к забору. И я там свалился прямо в грязь. Недавно шел дождик. Лежу, а у самого сердце со страху готово выскочить. А они уж над головой гудят и с пулеметов строчат, только пули свистят. Пролетели над городом и полетели на разворот. Я поднялся – и дай бог ноги. Влетел в детсад, а там приготовили есть детям. Тарелки на столах под яблонями стоят. Вдруг опять как грохнет! Тарелки со столов так и послетали. И хоть бы одна разбилась, плавно спустились. Я прыгнул в до половины вырытую щель и лег на дно. Гляжу, а там санитарок и сандружинниц полно. Правду говорил Петро Самостиянович: позабыли надеть свои комбинезоны. Одна лежит, уши пальцами заткнула, а рот до ушей открыла. Это чтоб не оглушило. А глаза как у загнанной овцы. Если б не страшно было, смеяться б можно до упаду. Тут начали бомбы близко рваться. Воздухом горячим обжигает. Я ползком по картошке в крытое убежище и там уже ждал до конца бомбежки. Стены дрожали. Песок сыпался с потолка. И мы задыхались от напора воздуха. Когда мы вылезли,



то было, как вечером, темно. Дымом солнце закрыло. Горел сенопункт. На Киевском вокзале рвались в эшелонах снаряды, бомбы, патроны. К небу подымались огненные столбы от цистерн с бензином. В сад поликлиники начали свозить убитых. Привезут машину, свалят в кучу, соломой прикидают и за новыми уезжают. Раненых тоже собирают. Народу много побило. Никто не знал, как прятаться. Все бросили работу и побежали по домам к детям. А фашисты, гады, спустились низко и давай поливать с пулеметов. Народу в убежище было очень много, и я сидел как дуга. Спина под одну стенку, а ноги на другую. Вчера был сбор нашей команды. Дело наметили, но чертова бомбежка разогнала нас всех.

29 июля

Был в городе. Сидели втроем на вишнях, когда начали свистеть бомбы. Когда немец прилетел, мы и не слышали. Попадали с вишен и лежим. Как грохнет в буфетском дворе! Хозяйка выскочила с хаты, увидела нас – и за нами. Я с Женей перескочил через плетень, а Тарас повис на штанине. Она его, конечно, дрючком по спине. Он сорвался да штанину до самого пояса разорвал. Убегли к болоту, а там уж давай хохотать. Бросил немец четыре бомбы. Две разорвались, а две нет. Убило только двух кабанов.

Люди понемногу возвращаются в город. Команда наша распадается, уезжать начинают. Осталось 19 человек, мы действуем вольно. И страшновато в городе, и весело. Ночуем в городе, в детсаду, вдвоем с Петром Самостияновичем, да иногда ребята зайдут. Яблок уйма, а собирать некому.

10 августа

В городе спокойно. Вот уже несколько дней не ходил в город. Ходили работать на сенокосе. Хорошо в поле! В лес по грибы ходили. В селе стоит батальон. Часто в нем бываем. Весело с красноармейцами!

4 сентября

Много красноармейцев в селе. Колхозное имущество раздают колхозникам. Хозяйка натащила домой курей, меду, яблок. Свинью здоровенную пригнала. Носится весь день как угорелая. Я сейчас почти все время живу у бойцов. И ем там.

7 сентября

Пошел пасти хозяйкину корову. Взял с собой целую шапку слив. По дороге с Батурина идут войска, танки, пушки везут. Над Батурином виден дым и слышны взрывы. На краю села начали устанавливать пушки. Ходили к артиллеристам. Они нас покормили гречневой, а мы им дали слив, яблок и груш. Веселые ребята! Войск в селе уйма, заставили все огороды машинами. Под вечер пролетело два “хейнкеля”. Они полетали над селом, построчили с пулеметов и улетели. Мы сидели в канаве.

10 сентября

Немцы улицы минируют. Баррикады строят. Плуги, бороны, телеги тащат. Часов в десять начали обстреливать город. Мы пошли на старую квартиру, а назад уже никак не могли пройти. Немцы заминировали улицу. У хозяйки во дворе остановились четыре машины. Начали немцы ловить курей. Молоко отобрали. Висел веночек луку, так они его в котел весь очистили. Груши обтрясли все. Рыскают как волки. Хозяйку чуть не убили за то, что не давала ломать деревья фруктовые.



26 октября Сегодня немцы стащили у нас сковороду. Железная дорога не работает. Согнали людей чинить мост. Организована биржа труда. Все люди в возрасте с 14 до 60 лет должны стать на учет в ней под страхом расстрела. Я не пойду и после того, как мне исполнится 14 лет. Все эти, кто стал на учет, должны полмесяца отработать на немцев, а полмесяца свободный. За это они дают 3 кг ячменя в месяц. Отец Валерия Кириченко – зав. биржей. С Валеркой мы поссорились. Он начал нас называть партизанами, а мы его холуем немецким. Он говорит: «Я скажу папе», – а мы ему пачек за это дело. Отец его пожаловался Анне Константиновне, а она небольшую мне выволочку сделала. Ну, это ничего. Из казенных домов немцы всех жителей выгнали, а сами теперь там живут.

26 ноября С продуктами у нас плохо. Есть нечего. Анна Константиновна меняет барахло на продукты. С топливом тоже плоховато, но я с ломиком промышляю. Немцы говорят, что они уже в Москве ведут бои. Брешут, собаки! Базаров нет. Кто-то ночью дал три выстрела по мадыарскому офицеру и двум солдатам. Жаль, не попали по собакам. За это расстреляли 50 наших жителей.

1942 год

13 января Сегодня, когда собирал уголь, меня поймал “сумасшедший” жандарм. Отвел в жандармерию, и били сильно. Еле ушел. Мы начали таскать уголь с эшелонов и продавать по 100 руб. пуд. У меня завелись гроши, и мы не так стали голодать. Ну, если попадемся – расстрел. Ивана Матвеевича вызвали работать на станцию. Он еле отделался от ихней работы. Притворился больным. Он дома делает терки, а я продаю. Делает из консервных банок, которых на станции до черта.

18 января Сегодня мне исполнилось 14 лет. Нужно идти на биржу, но я не пойду. Что будет, то и будет, а дороги им чинить совсем нет охоты.

2 апреля Скоро уже начнем садить картошку. Немцы на каждую корову наложили 800 литров молока в год. На базарах часто бывают облавы. Будто кого ловят, а на самом деле грабят. Отбирают у баб молоко, масло, сало, яйца и др. Сегодня немец заставил нести его барахло с Центрального на Гомельский. Отказывался, но он начал лупить, и пришлось нести.

10 октября Пришлось поступить на работу. Работаю в райздраве рассыльным. Хорошо хоть не у немцев. Перед окнами немецкая тюрьма. В саду стоит гестапо. Щели, которые мы рыли, чтобы прятаться от бомбежки, набиты расстрелянными. 2-го рано утром фрицы в последнюю щель загнали партизан в нижнем белье и бросили туда бомбу. Она не всех поразила, живые бросились кто куда и разбежались по городу. Начали прятаться в сараях, погребах и вообще кто где сумел. Немцы два часа рыскали по городу и, кого находили, добивали на месте. Крик по городу поднялся, стрельба, аж у нас на станции было слышно. Убили, конечно, не всех, и многие, видать, спаслись живые.



1944 год

- 7 января** Получил вызов от мамы, но пропуска мне не дают. Организовали паевой магазин. В нем все есть. Мелкие штучки – карандаши, ручки, иголки и др. Военным дают без паев. Я хожу в военной форме, и мне дают как военному. Цены государственные.
- 24 февраля** Вот уже девять дней, как я живу в Арзамасе у мамы. Живем мы на улице Володарского, но думаем переезжать. Тесно на этой квартире. Я ни с кем не знакомый и нигде еще не работаю. Хожу один по городу и все разглядываю. Городок старый, и в нем раньше было много церквей. Мама говорит, что 36. Городок скучный, и мне не очень понравился. Не знаю, как будет дальше. Ходил в кино. Здесь еще стоят морозы. Хозяйка мой разговор плохо понимает, а я ее. Чудно выходит.
- 24 марта** Ходил поступать в ЖДУ № 5. Приняли. Идти на занятия 1 апреля. Начинает таять снег. Вечером ходил в кино с Женей.
- Я никак не могу привыкнуть, что здесь спокойно. Правда, летает много самолетов, и я по привычке подымаю голову смотреть, чей это.

1945 год

- 9 мая** Необыкновенный день. Сегодня в 4 часа утра передали по радио, что немцы подписали акт о капитуляции. КОНЕЦ ВОЙНЕ».



Людмила Леблан

Родилась 4 мая 1926 г., жила в Бежице Брянской области РСФСР.

Людмила родилась в городе Бежице 4 мая 1926 года в семье Виктора Алексеевича и Марии Петровны Леблан. Отец ее был строителем, мать – учительницей. Жили они скромно, в старом деревянном доме вместе с бабушкой на окраине Саратовской улицы. Людмила хорошо училась в школе. После войны с отличием закончила институт. Долгое время работала на Брянском автозаводе заведующей лабораторией.

Она начала вести военный дневник 22 июня 1941 года; последняя запись в дневнике была сделана ею 4 января 1949 года.

В начале войны Людмиле Леблан было 15 лет. Бежица была освобождена 17 сентября 1943 года.

1941

22 июня 4 часа утра. Объявлена война.

Совсем неожиданно сегодня, вернее сейчас, ночью, приехал из Литвы папа. Этому приезду я обрадовалась как избавлению, т.к. с этим приездом кончились слезы, которые до этого были спутниками каждый день.

Все время плохое настроение. Это еще больше обостряется тем, что у всех подавленное настроение и, куда ни глянешь, всюду слезы и слезы.

Мне очень обидно, что меня никто из домашних не понимает так, как есть на самом деле, а совсем в противоположном смысле. Или я действительно не осознаю всего ужаса войны, или у мамы уж очень расстроились нервы. Мне очень тяжело смотреть, как она плачет и по плохой причине, и по хорошей.

12 ноября 11 часов утра. Какое ужасное я сделала сейчас преступление – сломала головку у своих ручных часов. В мирное время в этом не было бы никакого преступления, а сейчас... Где сейчас найти часового мастера? А часы мне пригодились бы, может быть, поменять на хлеб.

1942

26 января ... В городе настоящий голод. Ходят в деревни добывать что-нибудь съестное.

19 апреля Весна наконец вступила целиком в свои права. Думали, что разлива в этом году совсем не будет или будет небольшой, а вода-то разлилась, как и всегда: никак не хочет признавать никаких военных действий. Солнышко сильно печет, птицы поют, вода стоит как зеркало. До чего приятно посидеть на солнышке и, оторвавшись от мрачных дум войны, уйти в природу!



15 июня С 5-го работаю весовщицей. На работе как-то веселей. Сейчас делать по работе почти нечего. На нашей стороне все время не было немцев, а сегодня поставили кухню и солдаты разместились по пустым домам. У нас пока нет никого.

1943

28 апреля Сегодня я последний день работала на базаре в своем прекрасном обществе. С завтрашнего перехожу в паспортный отдел. Думаю потрудиться секретарем. Наконец нашлась писарская работа. Насколько повезет здесь, еще не знаю.

5 мая Вчера стукнуло 17 років (лет). Перечитывая свою писанину, думаю, какая большая разница между прошлым годом и настоящим: в прошлом году было так много свободного времени, что я не знала, чем бы заняться, и от этого было даже тяжело, а в этом году не замечаю, как летит время. Правда, мне помогает в этом С., на которого я иногда даже сержусь. Но это “сердце” только так: сейчас найдет, а через минуту пройдет. На него нельзя серьезно рассердиться – такой простой, милый парнишка. Не знаю, какой дальше будет, а пока ничего. Сегодня мы с ним важно поговорили, и, в конце концов, наши мысли остались на разных полюсах. Может быть, подумает и согласится со мной?..

27 июля Слышен грохот канонады. Прибывают к нам эвакуированные орловцы.

[Все] как бы немножко забылись, когда удалился фронт. Бомбардировки иногда повторялись, а одно время и довольно часто. Но как не страшны бомбардировки, а как подумаешь про фронт, то становится еще страшней. Ну, ладно, видали страсти в 1941 году, может быть, Бог помилует, в этом году не придется смотреть.

6 августа Третью ночь уже повторяются бомбардировки. Где-то сейчас отец? Жив ли, нет ли, ничего не знаем. И скоро ли кончится эта война, как она опостылела, что нет никакого интереса к жизни, живешь – существуешь, и безразлично: сейчас ли умрешь или немного погодя. Жаль только, что так проходит золотая юность... Некоторые и сейчас веселятся, но какое может быть веселье, когда льется столько крови. По-моему, веселиться сейчас – преступление. До чего люди огрубели, очерствели, что этого не чувствуют, а говорят: “Все равно война”.

18 августа Наши мужчины уехали работать за Брянском. К нам поставили вчера немцев. У нас стоит шеф-капитан с денщиком и шофером. ...

31 августа В прошлое воскресенье была в парке. Пошла было в кино, но аппаратуру уже увезли, и мы решили провести вечер в парке. Был концерт, но никто ничего не слушал, а занимались все разговорами. Самыми любопытными посетителями были солдаты. Интеллигенции в парке нет, одна подгородщина. Ни у кого из девочек нет простых причесок, все завитые, намазанные, покрашенные.



Сегодня утром пришли немцы с эвакуированными и через весь огород копают окопы. Все заборы на нашей окраине снесли. Сейчас разбирают наш забор, вырубают малину.

Толки разные ходят по городу, и все на разный лад. Ничего нельзя понять ни по действиям, ни по разговорам.

11 сентября Случилось то, чего больше всего боялись. Еще не было 6 часов утра, как пришел жандарм и приказал собраться за пять минут. Выгнали всех, не исключая больных. Приказали идти к Десне.

Это действительно великое бегство. Народ идет пешком, едет на тачках, двуколках, тележках; запряжены в убогие тележки козы, телята, жеребята. Некоторые едут на коровах, и еще меньше на лошадях. Немцы все время подгоняют, поджигая узкие кварталы, чтобы не останавливался народ.

Первый раз наше путешествие прервалось на Крахтовской улице, когда обломилась с одной стороны ручка у нашей тележки. Подвязали и двинулись дальше. Потом еще два раза поправляли тележку; сначала ехали вместе с соседями и квартирантами, а потом со своей рухлядью стали отставать и, наконец, потеряли попутчиков.

Проехав переезд в городке, хотели было остановиться на ночь, простояли часа два, и совсем вечером [немцы] все-таки погнали [нас] дальше. Отъехав немного, мы и еще две семьи съехали немного с дороги и остановились на ночь. Сварили картошки, принесли соломки и легли спать под открытым небом в первый раз за свое путешествие. Погода пока сухая, светит луна, и укачивает канонада. Всю ночь до зари стоял бой в стороне Брянска и Чайкович. К утру зарево опустилось ниже к горизонту, канонада стала стихать, переходя в отдельные залпы. Морозы стучают, и на заре довольно холодно. Так мы провели нашу первую ночь путешествия.

17 сентября Вторая половина дня. Кончилось наше путешествие...



Виктор Черный

Родился в 1928 г., жил на хуторе Могильное
Борисовского района Минской области
Белорусской ССР.

До войны

Жизнь тяжелая была, родителей не было. В сорок первом году немцы расстреляли отца. Матери не было. А мы жили втроем. Я только четыре класса закончил, мне лет 12 было.

Война

Мы, дети, остались одни. В тот день меня дома не было. Евреев к тому времени уже немцы давно преследовали. Мария пришла к нам осенью 1941 г. в дом с маленькой девочкой, а двух ее мальчиков расстреляли в Борисове. Вот. Мария в лесу скрывалась. Они нам сказали: «Мы – беженцы из Смоленска, и нас обокрали». Они в чем пришли, в том и были... больше ничего не было. Ничего больше [у них] не было. А они пришли и говорят: «Мы у вас проживем». Ну, сестра говорит: «Живите». Ну, я прихожу... я на работе был. (Уже ж я землю пахал; немцы нам 6 гектаров дали земли во время войны как сиротам. По десять люди брали, по восемь. Ну, нам не надо. Нам и шесть много было.) Вот. Я пришел домой. Сестра говорит: «У нас гость». Ну, будем жить. Вот что. Мы сироты, Мария все-таки взрослая, с 1909 года старуха эта была. А девочка была маленькая, она языка нашего не знала. Ей, может, было года четыре, может, больше. Но она, правда, гуляла уже, как обычно дети гуляют. И моя сестра два класса до войны закончила. Они малые были, ну, разом и гуляли.

Я в войну в доме не ночевал. Ночевал в сеновале. Сделал себе там гнездо такое, что ли. Вот. Ночевал там, а старуха как будто сделалась глухой. Ей люди начали приносить вязать свитера, носки, перчатки. Ну, говорили, беженка, смоленская беженка. Под видом смоленской беженки она для всех у нас так и была.

После войны

Мы дожили до Большой Победы. После девочка эта маленькая уже вышла замуж, поехали [они] в Израиль. Уехали, ну, их там приняли. Старуха Мария ехать не хотела, а дети говорят ей: «Вы нам нужны». Потому что у них уже дети пошли. Значит, нужна нянька. Вот и Мария поехала в Израиль. Там она рассказала, что приехала из Беларуси. А Беларусь во время войны была оккупирована, и они начали рассказывать про нас с сестрами. Мне сестра потом говорит: «Витя, приезжай в музей, нас будут награждать». Я не понял: а кто, а что? Она говорит: «Мы спасали евреев, будут [нас] награждать». (В 1997 году Виктору Черному было присуждено почетное звание «Праведник народов мира»).



Довоенная жизнь

Николай рано потерял отца и рос самостоятельным и трудолюбивым. Он жалел свою мать, всегда и во всем помогал ей. До войны Николай окончил шесть классов Острошицко-Городокской средней школы.

Война

Началась война. Накануне прихода [немцев] учителя, комсомольцы и пионеры школы по распоряжению завуча Кирилла Ивановича Шестакова ночью зарыли в саду самое ценное школьное имущество: приборы, пособия, книги. Наутро школу заняли немцы, они вынесли все оставшиеся учебники, карты, книги, документы, бросили их на клумбу с цветами и подожгли. Этот жуткий костер возмутил людей. Школу закрыли, в ней разместились комендатура.

Вскоре сформировалась и сразу же начала действовать школьная подпольная организация. Почти все члены литературно-драматического кружка стали подпольщиками, в их числе был и Коля Боровский. Хотя подросток был младше всех, ловкости и смелости ему было не занимать: любое поручение он выполнял качественно и ответственно. Физически сильный Николай отлично плавал, быстро бегал, умел незаметно проползти под носом у солдат. Коля стал незаменим в сборе информации: устроившись на работу помощником пастуха, а затем разнорабочим автодорожного участка, Боровский узнавал новости Острошицкого Городка и передавал их подпольщикам. Подпольщики Острошицко-Городокской школы приносили огромную пользу партизанам, собирая необходимые сведения, отправляя в лес медикаменты, одежду, продукты питания. Коля Боровский и его товарищи-подростки собирали и прятали оружие для передачи партизанам, распространяли листовки. Николай выполнил много важных поручений, не рискуя собственной жизнью, проявляя выдержку и находчивость.

Однажды с двумя старшими товарищами, которые работали шоферами в дорожном отделе, Коля Боровский угнал немецкую автомашину с оружием и доставил ее прямо в лес. Так он стал партизаном отряда им. Ворошилова бригады им. Фрунзе. У Николая началась новая боевая жизнь, он ходил на задания, участвовал в разгроме немецкого гарнизона. Боровского ценили в отряде: он был смелым и надежным разведчиком.

Летом 1943 года пришла беда. Вспоминает Л.Н. Шестакова: «Однажды около деревни Беларучи Колю схватили немцы. Жестоко и долго били Колю, допытываясь место стоянки отряда. Коля молчал. Его привезли в Острошицкий Городок, опять били, допытываясь имени связных с партизанским отрядом. Но Коля молчал. Измученного, избитого, вывели его из сарая, повесили на грудь доску с надписью “Я – бандит”. Руки его были скручены проволокой, к которой был привязан звоночек. Это, видно, тот звоночек, которым он иногда звонил во время своего дежурства в школе, созывая ребят на урок. Колю вели немцы и полицаи по местечку... Жалобно звонил звоночек, когда он падал под ударами тяжелого кулака или бота». Очевидцы рассказывали, что жители городка плакали, видя, как истязают маленького партизана, а его обезумевшая от горя мать металась во дворе своего дома. Коля не плакал, не просил прощения, он все переносил с достоинством и спокойствием...

Источники:

*Электронный архив свидетелей Исторической мастерской имени Леонида Левина в Минске. Минск, Беларусь.

<http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/archiv/wettbewerb-2017/borovskiy-nikolay>.

*Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінскага р-на. – Мн.: БелЭн, 1998.
*Симонова, О. И. Мы будем жить. – Изд. 2-е. – Мн.: Беларусь, 1971.

*Стифуткин, А. Н., Тит, Т.Н. (в девичестве Стифуткина) [родственники Н. Боровского]. – Архив Тростенецкой СШ.

*Чурко, И.К. [учительница Острошицко-Городокской средней школы]. Воспоминания. – Архив Музея боевой славы Острошицкого Городка.

*Шестакова, Л.Н. [учительница Острошицко-Городокской средней школы]. Воспоминания. – Архив Музея боевой славы Острошицкого Городка.



Избитого подростка увезли в Минск, в тюрьму, а оттуда в лагерь смерти Малый Тростенец. Николай Боровский умер, никого не предав.

6 июня 1944 года были арестованы и позднее сожжены в лагере смерти Малый Тростенец восемь комсомольцев-подпольщиков из Острошицкого Городка, товарищей Коли Боровского (Нина Стосуй, Люба Врубель, Тоня Стефанович, Люба Макейчик, Галя Прокофьева, Вера Хатковская, Рая Светлова, Аркадий Крученок) и один из руководителей подполья, любимый учитель Коли Кирилл Иванович Шестаков.

После войны

Жители Острошицкого Городка чтят память о героях-подпольщиках: в сквере напротив бывшего здания школы установлен памятник учителям, ученикам и жителям Городка, погибшим в годы Второй мировой войны.



1944

15 октября,
24.00

У меня сегодня ночное дежурство. Каждый член семьи обязан вести наблюдение в течение двух часов на случай воздушного налета. Звуковая тревога больше не применяется, а мы не хотим быть застигнутыми врасплох. Сегодня утром снова был воздушный налет. Я чистила картошку на посту № 8 для раненых в ходе авианалетов, когда услышала знакомый ужасный рев моторов, и сразу после этого – звуки ковровой бомбардировки. Мы два часа дрожали от страха. Бомбардировка опять была по-настоящему сильной. На посту нет подвала, и мы сидели в коридоре на корточках, прижавшись к стене. Думать при этом невозможно – все чувства так притупляются, что ты становишься практически безразличным к опасности. После каждого авианалета думаешь: «В этот раз обошлось, но долго ли нам будет сопутствовать удача?» Ты уже не думаешь о том, что будет завтра; возможно, завтра вообще не останется ничего. Когда сегодняшняя налет закончился, я поспешила домой на велосипеде – наш дом уцелел, но все вокруг было в пламени. Мюльгеймский мост обвалился и лежит сейчас в воде, мост Роденкирхен сильно поврежден и непригоден для использования. Теперь же дождь льет как из ведра. А каково сейчас тем, кто остался без дома? Нет, нельзя думать об этом; завтра на их месте можем оказаться мы. После обеда мы с Додо поехали на машине на фабрики Фрехена [примечание автора: город в земле Северный Рейн-Вестфалия]. Я всегда езжу с ним, чтобы он не был один в таких опасных поездках. Я единственная, кто может его сопровождать, больше никого не осталось, и, кроме того, я сама уже почти солдат – иногда я чувствую себя солдатом, когда вокруг стреляют со всех сторон, а я еду на велосипеде, чтобы раздобыть хлеб и еду. Стиснув зубы, я говорю сама себе: «Вперед, Урсула, ты должна прорваться! Солдаты ведь не сдаются!» Полгода назад я не могла себе и представить такое. Рев моторов. Надо разбудить остальных.

26 октября

Только я вышла с тележкой, полной белья, чтобы прополоскать его у колонки в Роденкирхен [примечание автора: район Кельна], как пришлось вернуться домой. Начался такой сильный артиллерийский обстрел, что я забыла о храбрости и просто помчалась домой. Теперь поставили дымовую завесу, и я слышу самолеты.

В последнее время в Кельне творятся страшные вещи. Ходят разговоры о разбоях, убийствах и нападениях. На улице небезопасно. Я не могу понять, как люди могут извлекать выгоду из [тягот и лишений] времени и совершать подобное.



На фронте в последние несколько дней до жути тихо. Вчера мы получили новости от местной партгруппы о том, что мой двоюродный брат Карл-Август пропал без вести. Он был в Гертогенбоше [примечание автора: город в Нидерландах]. От Гюнтера тоже ничего не слышно. Как и от братьев. Судя по всему, почту в Кельн больше не доставляют. Везде говорят о «прифронтовом городе Кельне». Хоть бы самолеты оставили нас в покое! Нет никакой возможности побыть самой собой. Впрочем, может, это и хорошо? Не знаю.

27 октября

Пришло два письма от Ганса 2 и 13 октября. Слава богу, у него все хорошо. Мы все очень счастливы, и все сразу стало представляться в более радужном свете. Мы все надеемся, что мы здесь, в Кельне, пережили самые трудные времена. Обстрелы Кельна больше не имеют смысла – здесь и так все разрушено. Транспорт не работает, а в Весселинге [примечание автора: город в земле Северный Рейн-Вестфалия] никто не работает уже три недели. Мы сейчас больше уверены в завтрашнем дне, и у нас снова затеплилась надежда. Моя жизнь сейчас состоит из следующего: ходить за водой, добывать хлеб, чистить картошку на посту № 8 – и сидеть в подвале! Фабрику и работу я оставила: во-первых, я не могу теперь туда добираться, во-вторых, фабрика сгорела, а в-третьих, родители мне бы просто не разрешили.

Сегодня я села за рояль и начала играть. Два часа все мое внимание было сосредоточено на игре. Я так радовалась, что пришли письма от Ганса, что мне хотелось как-то выразить эту радость. И я играла «Романс» из концерта для фортепиано ре минор Моцарта.

И теперь я полна сил и радости и пойду за водой!

4 ноября

Я только что вернулась из Байенталля [примечание автора: район Кельна]. Опять все впустую. Ни хлеба, ни мяса, ни овощей, ни воды – ничего! Вот уже три дня я пытаюсь добыть хлеб, но без толку. Магазинов не осталось. Водоразборную колонку в Роденкирхене [примечание автора: район Кельна] разбомбили. Сколько времени я потратила на то, что найти воду! Я ходила в Байенталь [примечание автора: район Кельна], в Цольшток [примечание автора: район Кельна] – воды не было нигде. В конце концов мы потеряли надежду и собрали дождевую воду, но ее надо будет экономить. Мы ужасно грязные, но сейчас никто не обращает внимания на это. Вчера я обнаружила еще один источник воды в бункере Тацита [примечание автора: бомбоубежище]; там можно один раз в день получить воду по продовольственным карточкам. Да, вода сегодня – самый ценный товар. Но мы чувствуем себя уже чуть увереннее. Вот уже два дня не было налетов, и две ночи мы могли спать спокойно. И это так нам помогло!! На Паркштрассе фактически остались только мы. Все наши знакомые и соседи сбежали из Кельна. Здесь стало по-настоящему безлюдно. И постоянные сигналы тревоги и стрельба на фронте...



Мы слышали, что Кельну был выдвинут ультиматум, который, конечно, отклонили. Ах, если бы его все-таки приняли! Я знаю, что мыслю не так, как должна думать настоящая немка, но теперь нам придется пройти через еще большие страдания. В Кельне появится еще больше руин и погибнет много людей. Нет, нет! Как было бы хорошо, если бы все это закончилось...

Кельн, 1944

**27 ноября,
вечер**

Только что получили посылку с оставшимися вещами Клауса от 7 октября. Мы предчувствуем, что это может значить, и готовы к худшему. Если бы можно было поточнее узнать, что с ним случилось! Отсутствие информации тяжело дается всем.

**21 декабря,
ночь**

Ганс пришел домой! Три часа назад. Ему дали отпуск до 10 января, так как у него очень давно не было от нас никаких известий, а Кельн находится почти во фронтовой зоне. Сколько радости сразу! Какое у нас теперь будет чудесное Рождество!

**1-й день
Рождества**

Вчерашний день я никогда не забуду: какой это был сочельник! Практически весь вечер мы просидели в бункере. Конечно, снова был авианалет. Сколько подлости в наших врагах! Между бомбардировками я выбежала из подвала и включила радио, нашла кельнский рейхсканал, а там – скрипичный концерт Макса Бруха, как и всегда в сочельник. Потом «Тихая ночь, святая ночь». Через открытые двери проникал запах гари, снаружи взрывались снаряды. Тихая ночь и смерть были так близки. Это было уму непостижимо...

А сегодня мороз, но самолеты по-прежнему летают целый день. Но, невзирая ни на что, Гензель с нами на Рождество, и мы вчетвером счастливы вместе.

31 декабря

Я сижу в бункере. Этот бункер и другие подвалы – фактически все, что есть у нас сейчас. Вчера наш дом полностью разбомбили. Все началось в 21:00. Страшнее этого ничего в мире нет... Бомбы падали очень близко, бункер трясло, стены шатались, пыль стояла столбом, и нам пришлось дышать через влажные тряпки. Мы слышали, как снаружи падают и взрываются зажигательные бомбы. Стоял адский шум, и мы думали, что живыми не выберемся. Когда шум стал наконец удаляться, мы услышали, как что-то упало с дома. Отец выбрался наружу и начал кричать: «Пожар, пожар, все вверх!» Второй и третий этажи уже были охвачены пламенем. Мы начали настоящую битву за лестницу. Додо топором срубил деревянные перила, и мы, как сумасшедшие, таскали из подвала наверх стокилограммовые мешки с песком и высыпали песок на лестницу. Потом вода – нельзя было дать огню распространиться ниже. Мы думали, что бетонные перекрытия нижнего этажа задержат огонь, и все внимание сфокусировали на лестнице. Незнакомые люди, которые пришли нам на помощь,



вытащили мебель из жилых комнат. Как мы были счастливы! И вдруг провалился потолок над столовой – у нас не было бетонных перекрытий; мы ошиблись! Огонь бушевал везде. Мы быстро вынесли вещи на улицу и в сад. Вчетвером мы подняли пианино, чтобы вынести его через окно. Затем все обрушилось. Я остановилась на минуту в саду и просто смотрела. Было так грустно. Шел снег, а дом был охвачен пламенем. И я видела, как огонь по частям поглощал мой любимый дом. Я почти расплакалась, но тут мной овладела ярость, и мы все вместе побежали в сад к Тешендорфу, чтобы набрать воды в водоеме. Но спасти было уже нечего. Огонь «съел» все. Сейчас мы ведем битву за подвал, которую еще не закончили. Хоть бы это у нас получилось! Там сейчас все наши вещи; если сгорят и они, мы станем нищими.



Герда Альтпетер (в девичестве Раппапорт) Родилась в 1926 г., из Эссена, города в Рурской области, федеральная земля Северный Рейн- Вестфалия, Германия.

Краткая биография

Отец Герды, Филипп Раппапорт, был инженером-строителем и градостроителем, хорошо известным за пределами Германии; занимал должность директора Союза поселений в Рурском угольном районе [примечание автора: союз по планированию и строительству поселений для шахтеров в Рурской области]. Следовательно, Герда и три ее старших брата росли в обеспеченной семье.

Беззаботная жизнь семьи резко закончилась в 1933 году: несмотря на то, что Раппапорты приняли протестантскую веру еще в 1880-х гг., Филипп считался евреем согласно критериям расовой идеологии национал-социалистов, а его дети – так называемыми «мишлингами («полукровками») первой степени». Филипп потерял работу через несколько месяцев после прихода национал-социалистов к власти.

Воспоминания о военном времени

Летом 1942 года посещение школы для Герды и ее младшего брата Вернера-Карла преждевременно закончилось. Герде было шестнадцать лет, когда начались летние каникулы, и тогда ничто не предвещало беды. «Вдруг оказалось, что приняты новые законы», – законы, запрещавшие так называемым «мишлингам» посещение школы дальше седьмого класса. Сразу после завершения каникул Герду вызвал в свой кабинет заместитель директора школы им. Марии Вехтлер. Как и директор школы, он был убежденным национал-социалистом, но они оба с уважением относились к Герде как к хорошей ученице. «Мне ужасно жаль», – извинился заместитель директора. Но разве жалость могла заменить Герде школу? «Для меня это было страшным ударом. Я старалась учиться дальше сама». Но работа, которую ей теперь нужно было выполнять в рамках «обязательного года службы», не позволяла сосредоточиться на учебе. [...] Тяжелое положение Герды и ее семьи усугубилось на фоне участвовавших и все более сильных бомбардировок промышленного города Эссена. Раппапортам нельзя было укрываться в общественных бомбоубежищах, и во время сильных бомбардировок им приходилось прятаться в подвале своего дома. Сейчас Герда Альтпетер понимает, что постоянные бомбардировки, отсутствие сна по ночам и ежеминутная угроза жизни «доводили ее до отчаяния» физически и морально.

Она не заметила, что в тот же период начались первые депортации из Рейнской области в концентрационные лагеря и лагеря смерти на востоке. Но со временем риски увеличились, в том числе и для ее семьи. Начиная с 1941 года ее отец должен был носить звезду Давида: «Он почти не выходил на улицу, разве что в церковь, и тогда он прятал “звезду” под воротником». [...]

«Обязательный год службы» в Марле: «Они были очень мной довольны»

После исключения из школы Герда должна была пройти так называемый «обязательный год службы». Ей предложили отправиться в оккупированную Польшу, но она отклонила предложение. После длительных и тяжелых размышлений она решила пойти на работу (предложенную Евангелической церковью Эссена) в семью священника в Марле [примечание автора: город в земле Северный Рейн-Вестфалия]: «Я хотела быть ближе к своей семье и делать что-то действительно полезное. Я хотела чему-то научиться и при этом остаться в христианской среде».



Ее решение отправиться в Марль оказалось правильным: Герда и принимающая семья стали близкими друзьями. Муж, офицер, был на фронте, а Герда помогала жене священника и ее пятерым детям: «Они были очень довольны мной». Герде выделили собственную комнату, у нее было хорошее питание, и каждые две недели она могла посещать родителей в Эссене, расположенном недалеко от Марля. [...]

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой»

После завершения обязательного года службы, 1 октября 1943 года Герда получила место на эссенском химическом предприятии «Гольдшмидт АГ». Она работала ассистенткой в химической лаборатории и участвовала в опытах по очистке железа. Эта работа была по ее словам «крайне интересной». Но уже в конце 1943 года отдел эвакуировали из Эссена, который сильно бомбили, в австрийский Виллах.

Герда отклонила предложение о переезде в Австрию. Принимая во внимание преследования, которым подвергалась ее семья, она решила остаться в знакомом месте со знакомыми людьми: «Если и будут сложности, то они будут там, в Виллахе. Ты никого там не знаешь, и никто тебе не поможет. Тебе не на кого будет положиться».

Она осталась в Эссене. [...] Там в июле 1944 года она услышала о покушении на убийство Гитлера, которое, по слухам, было успешным. «С самого начала я не питала больших надежд. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой». Несколько часов новостей не было, а затем поступила информация о том, что Гитлер жив и война продолжается.

Евангелическая молодежная работа во время войны: «Господи, ты и так в опасности! Ты действительно этим занимаешься?»

Помимо работы, в 1944 году Герда по-прежнему принимала активное участие в жизни евангелической церкви. Ее привлекли к участию в сборе средств для священнослужителей Исповедующей церкви в рамках городской миссии под руководством помощника пастора Анне Кауфманн. Герда обходила дома в Эссене и просила поддержать оппозиционных священнослужителей, исключенных из Региональной евангелической церкви, сотрудничавшей с [нацистским] режимом. Это было опасно, так как сама Герда уже подвергалась преследованию как «еврейский мишлинг», а сейчас начала выступать в защиту христианской оппозиции. Когда, тревожась за нее, ее спросили: «Господи, ты и так в опасности! Ты действительно этим занимаешься?», она ответила: «Да, а почему нет?»

Поездка с городской миссией в Вестервальд [примечание автора: горная гряда/массив в земле Рейнланд-Пфальц] в июле 1944 года стала короткой передышкой для Герды в хаосе войны. Это были «каникулы вдали от всего: от рисков, связанных с авианалетами, от преследований за то, что была «наполовину еврейкой», и от рисков, связанных с работой в Исповедующей церкви».

Тем не менее эти каникулы не были такими уж беззаботными. Девушки добирались до Вестервальда по отдельности: большая группа привлекла бы внимание. И в горах их ожидали не только развлечения, игры и серьезная работа над библейскими текстами, но и специальная подготовка для нелегальной работы в защиту евангелической церкви в Эссене. Молодые люди учились выстраивать аргументацию и вести диалоги в поддержку евангелической церкви.



Депортация отца: «Это произошло воскресным утром»

Воскресным утром в сентябре 1944 года, когда семья Раппапортов собиралась в церковь, зазвонил телефон: «Гестапо. Вы должны собраться и явиться», – и Филипп Раппапорт с женой отправились в опасную поездку. Офицер гестапо выдал Филиппу перечень, в котором было указано около сотни человек, подлежащих депортации на следующий день. В перечне было и имя Филиппа. Он должен был уведомить остальных и явиться на следующий день на вокзал. [...]

Филипп Раппапорт [...] начал готовиться к предстоящей депортации. Семье было понятно, что его жизнь находится в большой опасности. Старший сын, помогая отцу упаковывать вещи, сказал: «Сейчас мы соберем тебе чемодан, и, может быть, он поможет тебе выжить». Так он пытался подбодрить отца. На дворе был сентябрь, погода была по-летнему теплая, но они положили ему в чемодан теплые вещи с учетом наступающих холодов.

На следующий день Герда и ее мама проводили Филиппа Раппапорта на вокзал. Там уже собралось много людей, которых гестапо и СС распределяли по вагонам. Герде было пора на работу. Прощание было тяжелым: «Это могло быть прощание навсегда. Так мы его и воспринимали».

Спасение от собственной депортации: «Меня должны были увезти»

Как-то Герда пришла на работу, а ее отправили к начальнику по персоналу, который без околичностей заявил удивленной девушке: «Вы больны! Идите к своему врачу». Герда не была больна, но последовала указанию. Врач также подтвердил: «Да, вы больны». Он выдал Герде справку о том, что она больна заболеванием, о котором она никогда и не слышала, и отправил ее в санаторий. И только много позже Герда узнала, что произошло: ее врач по вечерам нередко выпивал с гестаповцами, от которых и узнал, что она находится в непосредственной опасности. Он рассказал об этом своему знакомому – начальнику по персоналу, который, в свою очередь, предупредил Герду.

Она избежала депортации благодаря помощи эти двух человек и вместе со своей матерью отправилась к родственникам в город Бад-Зальцфлен. Но так как железнодорожное сообщение было прервано во время войны, они попали в Хиддезен, где жила семья ее дяди.

Когда ее мать вернулась потом в Эссен, она узнала, что приказ о депортации Герды действительно приходил, но домработница без лишних размышлений отправила письмо обратно с пометкой «в отъезде». Через несколько недель вернулась и Герда. Врач, предупредивший ее, «объявил отбой»: центральный штаб гестапо был разрушен в ходе воздушной атаки, и все документы были уничтожены. Депортация ей больше не грозила.



Приход русских в Польшу вызвал как грустные, так и радостные эмоции. Некоторые евреи, белорусы и украинцы радовались, для поляков же это было печальное и горькое событие. Большевики созвали собрания всех земледельцев и крестьян, обязали их проголосовать по налогам, а также сдать собственных коров, лошадей, свиней, кур и многое другое. Все, у кого были излишки, должны были их сдать. Например, человек, у которого было шесть коров, должен был отдать четыре армии, а две оставались в хозяйстве. У тех, кто возражал и отказывался передать свою собственность, такую собственность изымали принудительно, а земледельца/крестьянина арестовывали или убивали. Многих поляков приговорили к тюремному заключению. 10 февраля 1940 года начались депортации нашего народа: человека высылали на работы, но никто не знал куда.

Переезд был тяжелым, а у людей не было достаточно пищи и воды. Нам дали не более 15 минут на сборы, а нарушителям угрожали прикладами и смертью. Нам позволили взять только то, что было на нас в тот момент, плюс 50 килограммов продуктов питания с учетом постельного белья и других вещей. Во время переезда нам не разрешалось выходить из вагонов. В вагонах было темно, грязно и воняло, так как до нас в них перевозили скот.

Каждому человеку раз в три дня выдавали 100 граммов хлеба, немного супа и небольшую порцию овса. Многие люди заболели и умирали из-за отсутствия медицинской помощи. Переезд занял две недели. Нас привезли на Урал, где нам выделили маленькие квартирки на 2 семьи. Все, кому исполнилось 13 лет, должны были работать; работа была тяжелой – нас заставляли грузить древесину на грузовики и вручную нарезать торф.

Отец работал в шахте и пострадал в результате обрушения породы. Его вывезли из шахты на вагонетке; он пошел к врачу и услышал, что у него пустячные травмы. На него наложили взыскание с удержанием 25% от зарплаты в течение 6 месяцев. Через 4 дня отца увезли в больницу, где он провел 14 дней, восстанавливаясь после травмы головы и спины.

Были проблемы с едой – ее было трудно достать. На одного рабочего выдавали 600 граммов хлеба, а те, кто не работал, получали 20 граммов. Каждый рабочий получал 500 граммов муки на 5 дней, 500 граммов овса и 100 граммов сала; те, кто не работал, не получали ничего.

Никому из поляков не разрешалось ходить на рынок; любого пойманного немедленно сажали в тюрьму. Меня отправили в тюрьму на 7 суток за покупку на рынке капусты, картошки и килограмма хлеба. Я работал на резке торфа. Платили нам мало – от 100 до 200 рублей в месяц. Поляков обзывали просто за то, что они – поляки и католики. Нам говорили: «Ваши шансы увидеть Польшу и костелы такие же высокие, как у меня – увидеть свои уши без зеркала». Они высмеивали и поносили Бога и религию, как только могли. Письма и посылки из Польши не пропускали и издевались над нами как могли. После амнистии над нами уже так не издевались, но не хотели выплачивать заработанное.



В 1942 году нас переместили поближе к границе с Персией (примечание переводчика: Иран с 1935 года), однако затем развернули в совершенно противоположном направлении – в Казахстан, для работы в колхозах (коллективных хозяйствах), где была нехватка рабочей силы. Нам выделили мазанку, в которой не было ни плиты, ни дверей, ни окон. Жить там было тяжело. Когда мы решили привезти сено для того, чтобы спать на нем и использовать его в качестве топлива, нам не позволили взять лошадей, и нам пришлось нести сено на спине два километра. Через месяц мы заболели брюшным тифом. Мы лежали там, в этой мазанке, без какой-либо медицинской или человеческой помощи. Пока мы болели, пришли воры и ограбили нас, и никто не мог позаботиться о нас, так как мы находились за десятки километров и более от наших друзей и родственников. Наши соседи (казахи) никогда нам не помогали, за исключением одной женщины, которая приносила нам воду и сено для отопления.

Я проболел 16 дней, а затем мне пришлось вернуться к работе, несмотря на болезнь и усталость: я был самым старшим в семье. Отец и мать тяжело болели два месяца, и мне пришлось много работать, чтобы покрыть расходы на наше проживание и на одежду. Я работал в колхозе по 12 часов без обеда, а дома после работы чинил обувь, пытаюсь заработать на кусок хлеба и хоть на какую-то одежду, так как мы ходили в лохмотьях, словно попрошайки. Мой ежемесячный заработок составлял 20 килограммов муки, 2 килограмма мяса, полкилограмма сахара и 1 килограмм соли. Сахар и соль можно было получить только за хорошую работу.



Пережитое мной в связи со [Второй] мировой войной в период с 1 сентября 1939 года по настоящее время, т.е. по 8 июня 1946 г.

Мы жили на другом берегу реки Буг в Сокале, когда между Польшей и Германией разразилась война. Началась война, начались и бомбардировочные налеты. Толпы убегающих людей направлялись с запада на восток; они рассказывали нам, что продвигающиеся немцы берут в плен мужчин. В связи с этим отец отвез нас в деревню, а сам отправился на восток за другими, планируя вступить в польские отряды, которые должны были сформировать.

Прожив несколько недель в деревне, мы вернулись в наш город, который был взят Советами. Мама видела, что происходит, и очень переживала за отца. Она ушла в очень подавленном состоянии, и, пока ее не было, вернулся наш папа, которого мы так долго ждали. У него распухли ступни, он устал и был напуган. Вскоре вернулась и мама. После долгих и теплых приветствий, отец начал рассказывать нам о том, что пережил; рассказанное наполнило нас ужасом.

Отдохнув несколько дней, отец поменял работу и отправился на [новое] место работы; тем не менее платили ему мало. Поэтому и мы жили бедно, питались лепешками из зерна и черным кофе с подсластителем.

Зимой же людей начали перемещать в Сибирь. Мы также были готовы к отъезду, спали в повседневной одежде и прислушивались к каждому подозрительному звуку. Так прошел один беспокойный год.

А следующий год принес новую войну – войну между Советами и немцами. Началась эта война 22 июня 1941 года. Первый снаряд через реку Буг упал в 2 часа утра, что стало началом войны. Мы проснулись и спрятались в сенцах. Дверь была приоткрыта, и мы видели, как горят соседние дома и деревья в нашем саду. Доносились до нас и ужасающие звуки взрывов и крики. Этот хаос длился около часа. Когда первая стрельба прекратилась, мы поспешили спрятаться в подвале. Линия фронта оказалась за нами, и немцы захватили город; мы по-прежнему жили бедно, хоть отец и работал.

Однажды папа пошел в деревню; вернулся он достаточно поздно и был так зол, что и слова вымолвить не мог. Чуть позже он успокоился и рассказал нам, что украинцы бросили его в подвал, но, к счастью, вовремя появился немец. Выяснив, что все то, в чем подозревали отца, было неправдой и невозможно, он ударил украинца в рот и отпустил отца.

Через некоторое время мы переехали в Каменку Струмиловскую, где мы оказались в более благоприятной ситуации. Мы прожили в Каменке два года. Тогда же мы получили страшную весть об убийстве двоюродного брата отца.

Боясь украинцев, мы отправились потом во Львов; было это накануне Пасхи. В Пасхальный понедельник мы навестили мою тетю. Вернувшись домой, мы начали готовиться ко сну до наступления вечера. Кто-то уже спал вечером, а мы с мамой сидели на кухне, когда нас внезапно оглушил взрыв. Мы все сразу же побежали прятаться в подвал, так как началась бомбардировка, которая продолжалась всю ночь.

После этого каждую ночь были бомбовые удары, которые закончились для нас 13 мая, так как мы переехали из Львова в Ланьцут, который оставили немцы через шесть месяцев после нашего приезда. Советское наступление не было сопряжено с трудностями: битва продлилась всего одну ночь.

Мы снова были бедны. Мы переехали в Хелм, где, как и в Ланьцуте, мы жили бедно, и помимо этого нам пришлось жить в подвале. Мы выдержали приблизительно месяц такой жизни, а затем переехали в Хрубешув. Бабушка приехала к нам с ужасными новостями о том, что дедушку арестовали во Львове и отправили в Донбасс. Но был в конце концов и радостный момент – дедушка вернулся через год. В Хрубешуве было несколько пожаров в том же году, а недавно был налет.



Клаус Шлимм

Родился 16 июля 1929 г. в Магдебурге, переехал в Эссен, Германия.

В 1938 году семья Шлимм переехала в Эссен, и Райнхольд, отец Клауса, начал работать в Рурской области агентом по продвижению невоспламеняющихся строительных материалов. Эта работа предполагала в основном сотрудничество с компаниями из военного сектора, и, следовательно, в конце концов он был вынужден стать членом [Национал-социалистической немецкой рабочей] партии вопреки собственным убеждениям.

Ребенком Клаус не был знаком ни с одним евреем. Позже он припоминал, что видел в Эссене витрины магазина с разбитыми окнами. Это было 9 ноября 1938 года; владельцами магазина были евреи по фамилии Розенбаум. Вернувшись домой, он сказал отцу: «Я мог бы принести тебе уют». Отец попросил его никогда не принимать участие в подобном.

Начало войны

Начиная с десятилетнего возраста Клаус готовился к войне: участвовал в учениях по противовоздушной обороне и проходил подготовку по действиям при пожаре.

1 сентября 1939 года Клаус был со своим дядей в Хунсрюке на каком-то празднике. Переход от мира к войне был очень резким и внезапным для Клауса. Гитлер шел от победы к победе. Мальчик с самого начала переживал из-за войны. Он повесил в своей комнате большую карту, на которой помечал флагом все населенные пункты, завоеванные его страной. Он радовался, что все больше и больше территорий входило в «родной Рейх». Расистский вокабуляр, использовавшийся в нацистской пропаганде, влиял на Клауса, который ловил себя на том, что применяет его.

Бои шли далеко, но, тем не менее, война быстро и явственно начала ощущаться в повседневной жизни Эссена. Везде применяли затемнение. Уличное освещение по вечерам выключали, и даже фары автомобилей и мотоциклов закрывали, оставляя лишь узкую полосу. Осуществлялся строгий контроль за надлежащим затемнением окон. Если чье-то окно было неправильно затемнено, дружинник противовоздушной обороны кричал: «Потушите свет!»

Первые бомбы упали на Эссен еще в 1940 году, но Клаус Шлимм этого практически не заметил. Он слышал сигналы воздушной тревоги и видел красное небо над центром города после атак; тем не менее воздушные атаки остались чем-то, что первое время не затрагивало его непосредственно. Жители Эссена часто выходили на улицу и смотрели, что происходит в небе. Клаус описал минометный огонь как «напоминающий грозу». Он не понимал, что в тот момент умирали люди. Когда бомба попала в школу, ученики радовались: «Ура, школа горит!»

Семья Шлимм пережила много тревожных часов, но им повезло: они не понесли никакого физического или материального ущерба, тогда как многие их соседи сильно пострадали. Когда один из его школьных друзей попал под бомбардировку, Клаус спросил у него: «Что нам надо делать, если подобное случится с нами?» И друг дал ему хороший совет о том, как вести себя «в случае бомбардировки».

«С течением времени у людей развилось своего рода стоическое спокойствие, — вспоминал Клаус. — Даже у тех, кто пострадал от взрывной волны или потерял свой дом». Тем не менее самого Клауса жизнь пощадила. Лишь изредка ему снилось, что его несут в подвал, а утром он с удивлением и впрямь просыпался там.



Эвакуация детей из города

После того как увеличилось число авианалетов на Эссен, была начата эвакуация детей из города.

Весной 1943 года Клаус и его брат Хеннинг собрали чемоданы для эвакуации. «Я ужасно плакал, – вспоминает Клаус Шлимм свое прощание на перроне. – Это было настоящее прощание военного времени, и я был очень расстроен». Тем не менее, когда дети начали петь в купе, он снова успокоился.

Их местом назначения был город Подебрады в Чешской Республике, где Клаус сразу же полюбил типичную чешскую архитектуру. «Мы жили в лагере “Белый крест”, в конфискованной гостинице. Там находилось много других школьных классов. Несколько тысяч, если не десятки тысяч детей». Иногда их было так много, что на улицах не были заметны местные жители.

«У нас было странное чувство отрешенности». Клаус с другом проходили километры в пеших прогулках по окрестностям Подебрадов, любуясь видами. Мальчики не замечали опасности и беззаботно бродили по округе, постоянно наталкиваясь на местных жителей, которые были не очень рады их видеть.

Еда была очень хорошая. Отелом управляли чехи, и, конечно, кухня была чешской. «Школа находилась в очень современном школьном здании, которое чехам было приказано покинуть». Клаус Шлимм так и не узнал, куда должны были перебраться местные школьники. Когда он был там, в том здании учились только немцы. Уроки ему запомнились как достаточно жестко регламентированные, хотя религию и биологию больше не преподавали.

Атмосфера в Подебрадах была в целом неплохая, но ребята пресытились эвакуацией, когда стало понятно, что она не закончится через три месяца, как обещали. Эвакуация стала принудительной мерой. Их временное пребывание в чужой стране вдали от родительского дома продлевалось снова и снова.

Когда война подходила к концу, Клаус находился в военно-учебном лагере в Брегенцком лесу, в Австрии. Руководитель лагеря – «еще один член партии, раненый на войне» – рассказал мальчикам, что он договорился с местными фермерами и бизнесменами о том, что они могут остановиться у них. Когда на следующий день они разошлись, Клаус и еще два мальчика отправились на местную лесопилку. «Но французские войска оккупировали территорию уже через два дня после его прибытия». Пятнадцатилетний Клаус и его спутники пережили оккупацию достаточно спокойно и, по большей части, без страха. У них было хорошее настроение, так как они видели, что войска победителей продвигаются без враждебности и агрессии. Никто из молодых людей не имел никакого представления о своем будущем. «Все представлялось нам очень мирным. Светило солнце, всегда было что поесть». Это при том, что вначале мальчикам пришлось две недели питаться исключительно черствым хлебом. Но когда 8 мая 1945 года, в день официальной капитуляции Германии, лесопилка закрылась, им сказали: «У нас больше нет работы для вас». И три мальчика пошли в горы в направлении Лехтала с достаточно смешанными чувствами, зная, что их школа находится в Лехе. Клаус прожил в Лехе еще три месяца и провел весну на местной горной ферме.

В июле 1945 года Клаус наконец-то начал свой путь домой. Этот путь был долгим и трудным, с частыми пересадками из одного товарного поезда на другой. Клаус благополучно прибыл в Эссен через шесть дней – 1 августа 1945 года.

